

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ
КОМИССИЯ ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ
НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ
ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ
ПРИ МЕЖДУНАРОДНОМ КОМИТЕТЕ
СЛАВИСТОВ**

*XVI МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ
(Сербия, Белград, 23 августа 2018 г.)*

Ответственный редактор М.И. Чернышева

Москва
«ЛЕКСРУС»
2018

ГУРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СУДАКОВ

Вологда, Россия

Тенденции развития русской лексики в эпоху Средневековья

Словарь языка – не хаотичное собрание элементов. Системность лексики в силу ее открытости – это тот всегда не достигаемый или тот постоянно нарушаемый предел, к которому стремится язык в его развитии, это система с некоторым количеством постоянных и с еще большим числом вариативных элементов. Признание системных начал в организации лексико-семантического уровня языка обусловило и выбор основного объекта исторической лексикологии: таковым является лексико-семантическая или тематическая группа в ее эволюции. Исходной единицей анализа, конечно, остается слово и набор производимых, а также связанных словосочетаний с этим словом, но уже как элемент, компонент системного целого. Семантический объем исторического слова выявляется только в сочетаемости, а системность лексики, какой бы исторический период ни иметь в виду, убедительнее всего проявляется в синонимических рядах, в однокорневых гнездах слов, во взаимоотношениях генетически и функционально разнородных элементов с тождественной или близкой семантикой. Системность обнаруживается в структуре полисемантического слова, в иерархии его значений. Сравнение российского опыта с практикой историко-лексикологических исследований других славянских языков здесь было бы чрезвычайно полезно.

Задачи русской исторической лексикологии в трудах отечественных ученых постепенно усложнялись. Оценим следующее мнение: «Далекая цель исторической лексикологии – выяснение таких компонентов словарной системы языка, которые в истории их развития эволюционируют единым фронтом, т. е. обнаруживают прочные, устойчивые связи... Когда такие устойчивые группы будут намечены, следующая задача исторической лексикологии – установить их взаимодействие... Следующий этап исторической лексикологии – установление циклов, чередование медленного, эволюционного развития и переломов в развитии словарного состава, резких, глубоких изменений, протекающих в относительно ограниченное время»¹. Этим высказыванием Б.А. Ларин наметил перспективы системного исследования истории словарного состава, что стало принципиально новым явлением в теории исторической лексикологии.

В исторической лексикологии слово изучается во многих аспектах. Длительное время преобладал динамический аспект, т.е. регистрация количественных изменений в лексике и констатация наличия или отсутствия известных слов на нескольких синхронных срезах. Сейчас утверждается ономаσιологическое и семасиологическое изучение исторической лексики, что влечет за собою закрепление системного подхо-

---

¹ Ларин Б.А. Историческая лексикология (вводные лекции к спецсеминару) // Б.А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. М.: Высшая школа, 1977. С. 12–13.

да. Больше внимания уделяется внутрисловным связям значений, внутригрупповым семантическим связям слов, формальному и семантическому варьированию лексем. Укрепляющийся функциональный аспект направлен на законы исторической жизни слова, на особенности его бытования в языке разных эпох, на выявление основных тенденций и закономерностей в длительном и непрерывном развитии словарного состава русского языка.

Преднациональный период (XVI–XVII вв.) – чрезвычайно важное время в истории развития словарного состава русского языка. В это время закладываются основы национального словаря, происходит отбор в общерусскую лексическую сокровищницу семантически выразительных средств из огромного числа книжных слов, локальных лексем и элементов повседневной речи. Семантико-функциональные исследования позволяют определить характер и направление лексико-семантических и стилистических изменений.

Каковы наиболее существенные изменения в словаре языка Московской Руси?²

Количественное увеличение словаря – реальное явление истории языка, даже если делать скидку на разный объем и неодинаковые информативные качества текстов, написанных до XV в., с одной стороны, и источников XVI–XVII вв., с другой. Так, из 90 с лишним названий обуви лишь 14 отмечены в письменных источниках до XVI в., 22 – впервые фиксируются в XVI в., а остальные – в XVII в. В изучаемый период появляются целые группы новых названий: передников, карманов, посуды для специй, небольших бондарных сосудов и др. К тому же преобладающее число уменьшительных образований от анализируемых слов отмечено в актах XVI–XVII вв.

В связи с развитием устного речевого этикета в языке появляются формулы, отсутствующие в письменном этикете: *бью челом* (выражала не только просьбу, но приветствие и благодарность); *здравствуй* (фиксируется с 1586 г.); *спаси бо* (из *Спаси, Богъ*); *С Богомъ!* (напутствие в дорогу); *Хлеб да соль* (пожелание доброй трапезы, с 1618 г.); *Богъ помочи* (благопожелание, зафиксировано в «Грамматике» Лудольфа); *пожалуй* (так начинается просьба, 1618 г.), *прости* (извинение, начало XVII в.)³.

Тенденцию к увеличению своего числа испытали лишь видовые названия. Что же касается родовых слов, то наблюдается даже некоторое их сокращение за счет утраты архаичных лексем, перехода в пассивный словарь книжных обозначений, универсализации стилистически нейтральных наименований. Новые родовые обозначения появляются лишь в тех группах, где они ранее отсутствовали, так в конце XVIII в. появляется название *головной убор* (вместо прежнего универсального *шапка*), в XVII в. появляется слово *посуда* (вместо *посудье*) и т. п. Инновации старорусского периода – это в основном видовые слова, они имеют прозрачную внутреннюю форму и образованы с помощью продуктивных словообразовательных моделей.

В ряде случаев наблюдается закрепленность номинативных признаков и словообразовательных средств за определенной группой названий, например, общие назва-

² Исследование конкретных групп лексики см. в монографии: Судаков Г.В. История русского слова. Вологда, 2015. – 360 с.

³ См. подробнее: Судаков Г.В. Речевой этикет устного общения в Древней Руси // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. Сб. статей. Рязань, 2017. С. 93–101.

ния одежды сформировались главным образом за счет суффиксального способа от глагольных основ (*покров, одежда*); названия, образованные по материалу или цвету ткани, обозначают чаще всего несколько типов одежды, имеющих один общий признак, ср.: *сукня* 1) 'суконная свитка', 2) 'суконный кафтан', 3) 'шуба, крытая сукном'; названия футляров образованы от глаголов, указывающих на укрытие чего-либо (*влагалище*), и от существительных, обозначающих укрываемые предметы (*игольник*); названия вместилищ из кожи и ткани с собирательным значением образованы с помощью суффиксов *-j-* (*веретье, рогозье*) или *-иц-* (*веретище*); модель на *-ник/-ниц-* свойственна названиям сосудов для умывания и вместилищ для косметических средств (*рукомойник, белильница*); суффикс *-иц-* закрепился за названиями вязаных и плетеных изделий, то есть рукавиц и рогож (*дубленица* 'рукавица, вязаная из шерсти и обшита кожей'; *лапотница* 'тип рогожи, плетеной наподобие лаптя'). В именовании разных типов предметов, имеющих какой-либо общий признак, иногда использовались одни и те же мотивировочные признаки, например, по материалу, по отношению к другому предмету, что порождало омонимию наименований, ср. *верхница* и *исподка* как названия рубашек и как названия рукавиц.

В язык Московской Руси, продолжая ранее обозначившуюся тенденцию, вливаются в основном тюркские названия. В XVI в. начинают появляться западноевропейские слова, в основном через польское посредство. Со второй половины XVII в. наблюдается приток прямых заимствований из немецкого, итальянского и других западноевропейских языков (*юбка* и др.). Заимствования из тюркских, тунгусо-маньчжурских языков в соседние русские говоры были, по-видимому, значительными, так как связи соседних народов носили не случайный, а сознательный и возрастающий характер. Известно, что для общения с аборигенами русские служилые люди и купцы учили местные языки. Слова, усваиваемые в результате непосредственных контактов русских с населением соседних территорий, часто обозначали предметы, характерные для быта всех сословий. Наоборот, названия предметов, привозимых из-за рубежа послами или купцами, усваивались в первую очередь в дворянском быту.

Обычный путь включения в язык слова и его производных восстанавливается в следующем виде: после непродолжительного одиночного функционирования у слова возникает диминутив, отличающийся оттенком значений. Кстати, в случае иноязычного заимствования при значительной близости языков, совпадения в них словообразовательных моделей возможно было одновременное усвоение основного слова и диминутива, так перешли в русский язык из польского *фляга* (с 1547 г.) и *фляжка* (с 1507 г.). На следующем этапе происходит десемантизация диминутива с утратой оттенка уменьшительности и приобретением способности обозначать модифицированный вариант или новый тип реалии, при этом начальная форма может перейти в разряд архаично-книжных слов, утратить в значительной степени конкретное значение и приблизиться по характеру семантики к общему именованию. Одновременно происходит развитие вторичного диминутива по соответствующей модели, ср. историю слов *чаша* – *чашка* – *чашечка*, *чара* – *чарочка* и др. Нередким было и такое развитие процесса, как утрата первичного диминутива и увеличение престижности вторичного диминутива. Иногда основное слово имело локальное распространение,

зато его производные с уменьшительным значением были склонны к общерусскому употреблению. Так, слово *ларь* имелось лишь на севернорусской территории, а *ларчик* ‘небольшое по размеруместилище для ценностей’ имел общерусскую известность, последнее обстоятельство могло сыграть известную роль в приобретении общерусского характера словом *ларь*. Таким образом, диминутивы вели более или менее самостоятельную жизнь в языке, не всегда зависимую от характера основного слова.

Особая развитость уменьшительных образований в старорусской письменности (*волосничихо* ‘женский головной убор’, *каптурик* ‘головной убор, тип шапки’, *лохонишко* ‘одежда, чаще рабочая’, *ногавичиха* ‘тип чулок’ и др.) – это не просто реализация потенциальных возможностей русского словообразования, но прежде всего характерная особенность устного и письменного общения, специфика старорусского речевого этикета, для которого было свойственно варьирование языковых средств в зависимости от отношения содержания речи к ее адресату или адресанту, то есть одна и та же реалья, не меняясь в своих признаках, могла получать характеристику, далекую от объективной оценки свойств предмета. Привносимые в таких случаях в семантику слова дополнительные оттенки имеют повторяющийся, этикетный характер.

На развитие бытовой и производственной лексики серьезное внимание оказывали социально-культурные и иные условия эпохи. Известная подвижность семантики наименований женской верхней одежды объясняется более быстрой изменчивостью женской одежды по сравнению с другими разновидностями платья. Результативность лексико-семантических процессов корректировалась факторами культурно-исторического характера, например, в преднациональный период наступало время короткой одежды, поэтому названия длиннополой верхней одежды постепенно сокращаются в употреблении, переходя в разряд диалектных или просторечных обозначений крестьянской одежды: *кафтан*, *зипун*, *однорядка*; отбор короткополой одежды заканчивается победой иноязычного слова *куртка* для одежды с рукавами и исконной лексемы *безрукавка* для одежды без рукавов.

Постоянное стремление говорящих к разнообразию, особенно если используемый язык функционирует на значительной территории и не имеет систематической кодификации, способствует развитию фонетико-словообразовательных вариантов: *варги* – *варенги* ‘шерстяные рукавицы’, *боченечек* – *боченик* ‘бочонок’. Вариативность фонетического облика характерна в первую очередь для заимствованных слов, по-разному осваиваемых на разных территориях (*кумган* – *кунган* – *кубган* и пр.), но не лишены вариативности и некоторые исконные элементы (*братина* – *братена*; см. подобные примеры в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»). Часть вариантов имеет отчетливо выраженный территориальный характер: *пестерь* – севернорусское, *пещерь* – средне- и южнорусское, *рукомой* – северное и среднерусское, *рукомойка* – северо-восточное. Обращает на себя внимание наличие пар мужского и женского рода, которые различались в семантическом или стилистическом отношении: *ароматник* ‘углубление в предмете для хранения ароматических веществ’ – *ароматница* ‘сосуд для ароматических веществ’.

Семантическое развитие исследуемой лексики осуществлялось по следующим основным направлениям: специализация наименований, преодоление семантической перегрузки слов; отбор средств, сочетающих семантическую определенность с широкой сферой употребления и территориальной неограниченностью; расширение в употреблении слов, денотат которых получил общественное признание, и архаизация слов, утративших денотативную опору; жанрово-стилевая дифференциация лексем. Специализация значения сокращала функциональные возможности слова, сферу его употребления. Кроме того, каждая тенденция лексико-семантического развития имела свою антитенденцию, действующую с неравной силой, что обеспечивало непрерывность развития разных участков лексики, например, тенденция к специализации (семантической определенности) наименований сталкивалась с метафорическим способом номинации, благодаря чему создавался избыток лексических средств, ср.: *ковш* и видовые названия ковшей *наливка*, *питушка*.

Конкретное протекание процессов определялось составом лексико-семантической группы, от этого зависел семантический и стилистический статус слова, активность и продолжительность его функционирования в языке. Например, в группе названий кухонной посуды после выхода из общерусского употребления лексемы *веко* изменились семантические отношения между словами *сковорода* и *противень*: старорусское разграничение по объему (от большего к меньшему) *противень* – *веко* – *сковорода* заменилось разграничением по объему и форме: *противень* ‘большая четырехугольная емкость для приготовления пищи’ – *сковорода* ‘небольшая круглая емкость для приготовления пищи’. В старорусский период произошло перераспределение значения слов *влагалище*, *нагалище*, *лагалище*, являвшихся названиями футляров. Первое из них имело слишком широкий, неконкретный смысл ‘вместилище вообще’; ‘вместилище для укрытия любого предмета’, поэтому появились *лагалище* и *нагалище* с более определенным значением ‘футляр, вместилище для хранения предметов’. В национальный период немецкое заимствование *футляр* вытеснило все три исконных слова.

Чем выше семантическая организация лексико-семантической группы, тем больше у нее шансов для длительного существования. Например, группа старорусских названий денежных мешочков *мошна*, *калита*, *зепь*, *карман*, *хамьян*, *чпаг* имела родо-видовую иерархию, синонимические связи, дифференцированные значения, четкие словообразовательные связи между составными и однословными наименованиями. Многие слова этой группы были усвоены языком национального периода. Определенное влияние на степень семантической связанности лексем оказывал генетический фактор: названия рукавиц, передников, футляров и др., возникшие в основном на русской почве, отличались значительной семантической организованностью.

Интересно соотношение родовых и видовых наименований в составе лексики. Отмечается значительная развитость синонимии в кругу родовых обозначений по сравнению с конкретными названиями, что обусловлено обобщенностью, размытостью семантики родовых названий и что определяет контекстную обусловленность их значений. Наблюдается специфика в способах пополнения родовых наименований

в зависимости от жанрово-стилевой сферы употребления: в деловой письменности были распространены составные наименования позднего происхождения (*питьейная посуда, распивочные суды*), в книжной речи чаще используются слова, утратившие денотативную опору в предмете и выражающие в условно-обобщенном виде идею 'посуда': *сосуд, чаша*. Иногда на первом этапе формирования однословного родового наименования оно функционирует как собирательное существительное (*посудье* – с XVI в.), но затем отпадает необходимость в специальном форманте, подчеркивающим идею обобщенности, множественности, и слово в обычном виде (*посуда*) начинает выражать родовое значение.

С точки зрения жанрово-стилевых качеств заметно различались между собой с этой стороны родовые и видовые названия. Конкретные наименования сравнительно редко используются в художественных текстах, причем даже здесь они не выстраиваются в синонимические цепи, как это характерно для родовых названий. Жанрово-стилевая дифференциация проявляется как внутри корневых гнезд (между однокоренными словами), так и внутри лексико-семантических групп, здесь различаются архаично-книжные высокие слова (*окрин, коноб, кратир, фиал*), общестилевые лексеммы (*кувшин, ковш*), просторечно-бытовые слова и диалектизмы (*посуда, щепье* 'деревянная посуда'), экзотизмы иноязычного происхождения (*пиала, матарчак*). Стилиевые качества слов тоже зависели от экстралингвистических обстоятельств. Так, архаично-книжные элементы отмечаются среди названий столовой посуды, но их мало в наименованиях русской погребной посуды из дерева. Названия умывальных сосудов *умывальница, рукомыя, рукомойница, глек, лекань* имели отчетливо выраженный архаично-книжный характер, что связано с христианским культовым обычаем омовения рук.

Наблюдается закреплённость отдельных слов за тем или иным типом контекста. Отдельные значения полисемантических слов также закрепляются за определенным типом контекста, поэтому в совокупности лексических значений старорусского слова можно выделить контекстуально связанное значение, проявляющееся в контекстах определенного содержания и известных стилистических качеств, ср. *риза* 'одежда вообще' в художественных и религиозно-описательных сочинениях и *риза* 'облачение священника' в других контекстах, например, деловых.

Жанрово-стилевая дифференциация, представленная иногда в виде синонимичных соответствий, была развита в основном в кругу общих названий, а подобные названия предпочитались в книжно-церковных и художественных текстах, то именно здесь синонимичность была развита в большей степени, чем, например, в деловой письменности. Уже в XVII в. литературно-художественные тексты начинают все чаще выступать в качестве лаборатории семантико-стилистических проб и экспериментов, но в основном это касается общих наименований. В деловой речи происходил отбор лексем из разговорного фонда конкретных названий. Именно деловой речи принадлежала первенствующая роль в формировании повседневного русского словаря.